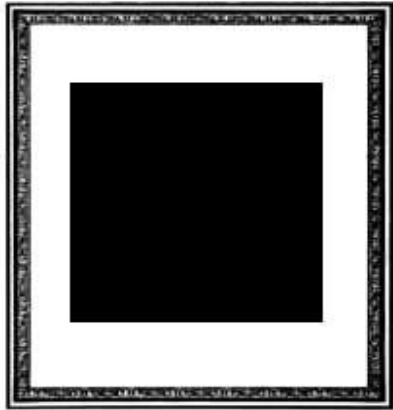

ΚΑΡΑΟΚΕ

Семен Грила

Караоке

Глава первая

Степанов был обычным чиновником, много лет трудился в министерствах и администрациях, впереди уже маячила пенсия.

И все бы ничего, но как-то вдруг все закружилось в вихре вальса распоряжений и нервозности вышедшей из налаженного ритма жизни. Теперь он все время боялся новостей. Коллеги общаться стали скупой, о себе рассказывали мало, обрывочно. Он чувствовал эту перемену перехода импатии к антипатии, находил ее и в себе. Тем сильнее он тяготел к своей оставшейся компании, которая сложилась за годы службы человек к человеку.

Последние годы они собирались в караоке-баре недалеко от Китай-города, им там было всем рядом, они после работы раз в месяц пели песни. Какие? В основном им нравились песни из старых советских фильмов, ребятам помоложе они нравились даже больше.

Степанов же предпочитал «Битлз» и Гребенщикова. Хотя теперь это и не приветствовалось, но чем дальше, тем сильнее мелкие запреты раздражали. Все эти залезания начальством в

личное пространство Степанов не любил. Но терпел. И даже шутил на эту тему с ребятами.

Вот и сегодня был именно тот самый четверг. Рыбный день. Их день. Караоке-день.

Глава вторая

Степанов пришел на их ежемесячную закрытую пати, и администратор проводил его в кабинет. Их здесь хорошо знали. Они шли по лестнице и немного поболтали о погоде и выходных.

На месте уже был Тимур. Тимур работал, как он любил говорить, в детском мире, друг друга они называли соседями. Он был самый молодой из них. Шустрый, веселый, спортивный. И с нормальной головой.

– Трепещите, – приветствовал он Степанова, – я сегодня в голосе.

Да, Тимур был голосистым и попеть любил очень. У Степанова не было ни слуха ни голоса, поэтому он любил пение Тимура.

– Тимур Валентинович, как здоровье? – Степанов сам полез обниматься, тыкая приятеля своим обширным животом, но длинные руки Тимура крепко сжали его плечи:

– Все прекрасно, Степаныч. У меня отпуск скоро. И я поеду на Алтай. На речку. В общем, красота, – глаза его помутнели от восторга. – Красота, – повторил он еще раз.

Они сели к столу и закурили.

– Расскажи, как же вы упустили все это. Как же так? – спросил Степанов.

– Да вот так, – ответил Тимур, – сами удивляемся. У нас же начальников много, а исполнителей мало, все мечутся, команды грозные раздают, а исполнять их некому. Это, может, и хорошо в

штабной суете, но в реальном процессе так нельзя. А если выполнять все, что ваши заразы придумают, то ничего хорошего в результате не выходит. И мы выглядим кровожадными упырями, а вы умными функционерами ЦК. Красавчики!

– Да ладно, чего ты заводишься, – сказал Степанов. – Спой лучше что-нибудь Алкино: почувствуешь себя диссидентом – и полегчает. «Паромщик» хорошо у тебя выходит.

– Да ладно тебе подкалывать, – не обиделся Тимур и поглядел на свои модные ботинки. – Ну, если вы просите, – скосил он глаза на Степанова. Тот закивал, улыбаясь: просим, спой. И Тимур спел. Он знал песню наизусть. И Степанов знал. Им было хорошо. Они были паромщиками. На реке. Ух.

Глава третья

Администратор клуба привел опоздавших. Шумные аппаратчики из Белого дома. Бусыгин и Альберт. Альберт служил в секретариате, а Бусыгин – помощником министра. Бросились к столу.

– Чего – еще не налили? – Нет, – ответил Тимур, – вас ждали. Опомнившись, пришедшие начали обниматься. – Пели? – подозрительно спросил Бусыгин. – Одну, – ответил Степанов. – Ну, тогда давайте выпьем, создав логическую цепочку, – предложил Бусыгин и разлил водку по рюмкам.

Они обычно пили водку сначала, а виски позже. Или не пили, если не доходили до этой кондиции.

– Слушайте, – сказал Альберт, а слышали – говорят, все-таки Сергей Семеныч к нам.

– Слышали, – ответил Тимур. – Но это вряд ли. Зачем ему? И зачем всем остальным. Ну, кроме ваших стратегов, – он кивнул на Степанова. – Да бросьте вы телеграмные байки пересказывать. Давайте я вам лучше расскажу, что творится теперь на всех

комсомольских встречах. Обучение актива. Бесконечный поток. Такая тупизна.

Глава четвертая

Тимур спел уже пять песен, Бусыгин три, Степанов одну, а у Альберта болело горло. Всех немного отпустило, чему способствовали и три пустые бутылки водки.

– Создается Министерство молодежи, куда сольют все – от туризма до образования, – сказал Бусыгин. – Вот начальник Альберта рассматривается, такие дела.

– А чего ты вдруг вспомнил? – спросил Альберт.

– Да я вот думаю, – сказал Бусыгин, – что пропагандистская машина становится все примитивнее, усилий много, а КПД все ниже. Что дальше?

Степанов ухмыльнулся:

– Бусыгин, ты наш гений, ты задал главный вопрос отечественной номенклатуры – что дальше? А давайте закажем по бифштексу, а?

– Не, я не могу поздно есть, – сказал Альберт, – меня жена убьет. – И правильно, ты не ешь, мы съедим, – сказал Тимур и нажал кнопку вызова официанта. Явился тот быстро, они быстро заказали бифштексы плюс водки. Никто не хотел домой, все хотели единения и братства, чтобы наступил тот момент, когда они, как раньше, были молодыми и на всё способными, с кудрями до плеч скакали на быстрых конях навстречу Бекингему по заданию королевы. Ну да ладно. Им и теперь неплохо. А песни из «Трех мушкетеров» они сейчас спют. И все продолжится.

Степанов начал первым... Есть в графском парке черный пруд... Там лилии цветут... Остальные искали в каталоге номера песен. Своих. Проверенных.

Глава пятая

Степанов глядел на Тимура, поющего про Констанцию, и думал, как бы ему узнать, не известно ли что-нибудь про будущее перемещение его начальника. Очень много работы стало и часто суета, а не содержание, усталость как результат. Надоело. До пенсии надо было еще как-то дослужить, дергаться поздно, да и не хотелось ему никуда, везде не лучше, считал он.

Тимур мог знать, его пути и начальника Степанова пересекались. Но дружба и служба – разные вещи, а дружбой Степанов научился дорожить.

Принесли мясо. Застучали ножи и вилки. Выпили еще водки. Они не говорили о войне. Никогда. Только эвфемизмы, только вокруг. Молчание. Глухое. Как говорил один функционер, глаза в пол и быстрым шагом. Так проскакивали тему. Но вопрос, что дальше, никуда не девался – и не мог.

– Слушай, – сказал Бусыгин, обращаясь к Степанову, – а когда вы перестанете изобретать новые смыслы один бестолковее другого: бережливая экономика, волны поддержки и цифры ВЦИОМа. Это же нельзя так бесконечно. Эти постоянные недовложения смыслов. Куда это нас ведет?

– Сам знаешь, куда, – пробурчал Степанов. – Вот его спроси – куда, – он кивнул на Тимура. – Это всё они. То измена, то агенты.

– Ну, началось, – закатил глаза Тимур. – Давайте я вам лучше спою.

– А мы не против, – сказал уже сильно уставший Альберт. – Только давайте сначала накатим.

Выпили. Тимур спел. Все молчали.

Глава шестая

– Так мы патриоты или нет? – Бусыгин взял быка за рога. – Почему нам не хочется на фронт тогда? – Он, когда бывал пьян, был до чертиков лапидарен. – Почему? Тебе хочется или тебе? И мне нет. Я спрашиваю.

– Ну, потому что мы непризывного возраста, – пытаюсь погасить пожар, шепотом отвечал ему Степанов, скрестив руки на обширном своем животе. – Спой лучше свою любимую – там, где москвичи и кирпичи. Златые купола. Ну, Шнура-то эта песня, ты ее часто раньше пел.

– А надоела она мне. Я другую полюбил, – сказал Бусыгин. – Давай найди мне Гребенщикова «Нас с тобою наебали, брат-боец» или как-то так она называется. – Бусыгин постучал по столу микрофоном. Микрофон жалобно загудел. Бусыгин встал. Он был тощий, длинный, нескладный, но приобретший с годами кабинетный лоск. Ну, такой паркетный. Вы знаете. Обтертый камушек с переводной картинкой.

Он запел. Высоким голосом. Фальцетом. Песня была, слава богу, не длинная.

– Вот, – сказал он, усаживаясь на свое место. – Может, напьемся?

– А мы что делаем? – отозвался Альберт. Он слегка протрезвел и находился в равновесии души и тела. Ему хотелось любви. И он запел про кавалергардов, век которых недолог. Тимур со Степановым выпили. Степанов тупо задал свой вопрос про начальника. Тимур тупо ему ответил: не знаю, и отъебись. Значит, я в точку попал, удовлетворенно извиняясь за бестактность, подумал Степаныч.

Глава седьмая

Позвали местную исполнительницу песен. Она спросила, что петь. Тимур сказал: на свой вкус. Закурил. Она запела «Ватерлоо». Он был не против, Степанов кому-то писал в телефоне, Альберт ушел в туалет, а Бусыгин налил себе и выпил. Тимур отказался от предложения составить компанию. Девушка пошла дальше по АББе. Тимур спросил Бусыгина, какие настроения в Белом доме. Обсуждается ли повышение налогов.

– А то, – ответил Бусыгин, – еще как. А настроения простые, как и раньше, я же тебе говорил. Ничего не вижу, ничего не слышу и от сих до сих работаю. У вас, можно подумать, по-другому.

– К сожалению, по-другому, – ответил Тимур. – Слишком много рьяных, пытающихся прыгать через ступени без тормозов. Это создает дополнительную нервозность, а люди и так черт-те чем занимаются. Ходят по гадалкам, оккультистам, бухают по-черному и наркоманят. Спасаются, в общем.

– У нас то же самое, – сказал, подсаживаясь к ним Степанов. – Мы-то с вами такие же.

– Ну, не совсем, – сказал Бусыгин. – Мы взрослые и опытные. У нас ипотеки и пенсии. Нам ошибаться нельзя.

– А мы и не будем, – твердо сказал Степанов.

Глава восьмая

Девушка, перепев всю АББу, ушла передохнуть, а вернувшийся и повеселевший Альберт сказал, что встретил в общем зале знакомых, которые рассказали ему, что в МИДе идут повальные аресты, вроде как кто-то дал на всех показания о какой-то нелегальной торговле.

– Вот все-таки началось, – озабоченно сказал Тимур, встал и вышел.

– Звонить пошел, – бросил вслед Альберт. – Ишь шустрый. Но это не его епархия, чего он подорвался.

– Вы за собой следите, – сказал Степанов. – Давайте счет попросим, второй час уже. Пока окажемся дома, уже почти утро будет.

– Ну и что, – сказал Альберт, – я отлично отдохнул с вами, ребята.

– Я тоже, – сказал Бусыгин, – но завтра у меня тяжелый день. Я тоже за то, что пора закругляться. Сегодня кто платит?

– Я, – отозвался Альберт, – моя очередь.

– Ну, тогда я побежал, – сказал Бусыгин и надел пиджак. – Пока, ребята. Берегите себя.

– И ты, – ответили ребята.

Глава девятая

– Что скажешь, Альберт? – Степанов пристально посмотрел на него. – Я заметил, ты сегодня не в своей тарелке весь вечер.

– Да, блин, – сказал Альберт, – моя беременная, всё как-то ни к селу ни к городу, куда сейчас рожать, а она уперлась: буду и всё. А ты же знаешь, у меня она не одна теперь. В общем, с утра до ночи крик и разборки. То туда, то сюда.

– Ты потерпи, – пожевал губами Степанов. – Оно, сам знаешь, само, бывает, пройдет, если потерпеть.

– Это-то да, а дальше что?

Да-да, что дальше, крутилось в голове Степанова, кто же знает – что. А вслух он сказал:

– Давай не будем ждать, пойдем вниз, по дороге заплатим. Тимур, похоже, смылся, не прощаясь.

– Пойдем, – согласился Альберт.

Они спустились, заплатили и вышли на улицу. Шикарная, почти летняя ночь. Эх, все-таки май – это май, скоро лето, а лето – это лето.

– Как твой рак? – спросил Альберт. – Нормально. Ремиссия. – Так это же супер. Пошли выпьем кофейку в «Метрополе», я угощаю.

Ишь разошелся, подумал Степанов и улыбнулся:

– Пошли!